

Исследования уже продвинулись к самой сложной стадии — одновременно захватывающей и вызывающей тревогу. Как было бы хорошо, если бы Реста смогла терпеливо подождать несколько недель, месяц, два или даже чуть дольше!

— Не мог бы ты остаться сегодня подольше? — спросила она.

У него тяжело скребло на сердце. Реста бросила на него взгляд, словно приглашая: «Загляни ко мне поболтать». Отказать было невероятно трудно, да он и сам не хотел этого. Но Йемот и Фано наверняка уже ждали его.

— Я же говорил тебе: у меня...

— ...свидание, верно? Что ж, у меня оно тоже есть, и это свидание — с тобой.

— У меня?

— Вчера ты сам сказал, что сегодня во второй половине дня у тебя выдастся свободное время. Знаешь, я всё это время только и ждала наступления этого часа? Я специально выкроила его — всю утреннюю работу в лаборатории переделала, честно говоря...

Черт побери, подумал Бини. Он действительно помнил, что говорил нечто подобное, и совершенно выбыл из головы тот факт, что договорился о встрече с двумя молодыми студентами.

Она рассердилась, но на ее лице все еще играла улыбка; сдерживая себя, она разыгрывала роль с прохладцей, без излишнего драматизма. Бини так и подмывало забыть о Фано и Йемоте и немедленно броситься к ней. Но если бы он так поступил, то опоздал бы на час, а то и на два, что было бы нечестно по отношению к ним. Впрочем, ему приходилось признать самому себе, что ему до смерти хотелось узнать, совпадут ли их расчеты с его собственными.

По правде говоря, он оказался в крайне затруднительном положении: с одной стороны — настойчивые требования Ресты, с другой — непреодолимое желание разрешить важнейшую научную проблему. По логике вещей, он был обязан вовремя явиться на встречу, но данное Ресте обещание «повидаться» совершенно выбило его из колеи — это было не просто исполнением долга, но и сулило радость.

— Послушай, — подойдя к дивану и беря Ресту за руку, произнес он, — я же не могу делать два дела одновременно, верно? Вчера, когда я рассказывал тебе об этом, я совсем забыл, что Фано и Йемот должны встретиться со мной в обсерватории. Как насчет небольшой сделки: я сбегаю туда, разберусь со всеми делами, а потом тайком вернусь к тебе — всего на пару часов, как тебе такой план?

— К тому времени опять наступит вечер, и тебе нужно будет фотографировать те астероиды, —

возразила она, надув губы так сильно, что на этот раз от улыбки не осталось и следа.

— Проклятье! Впрочем, я могу попросить Тирландо, Сикнана или кого-нибудь еще сделать это за меня. Обещаю, я вернусь сразу же, как только Онус скроется за горизонтом.

— Обещаешь?

Он крепко сжал ее руку, весело скривившись в шутливой гримасе.

— На этот раз я обязательно сдержу слово. Можешь даже поспорить со мной, если не веришь. Ты ведь не сердишься?

— Я...

— Я постараюсь как можно быстрее закончить с Фано и Йемотом.

— Тебе лучше... — бросила она вдогонку, пока он снова собирал свои бумаги. — И кстати, что за дела у тебя с Фано и Йемотом? Неужели они и правда настолько важны?

— Лабораторная работа, исследование сил всемирного тяготения.

— По мне, так это вовсе не так важно, как ты утверждаешь.

— Будем надеяться, что в итоге всё это окажется неважным ни для кого, — ответил Бини, — но я обязан во всем разобраться.

— Я бы тоже хотела понимать то, о чем ты говоришь.

Он взглянул на часы и глубоко вздохнул. Максимум, на что он мог рассчитывать, думал он, — это задержаться еще на минуту-другую.

— Разве ты не знаешь, что в последнее время я изучаю то, как Кальгаш вращается вокруг Онуса?

— Нет.

— Что ж, тогда слушай. Несколько недель назад я совершенно неожиданно обнаружил одну аномалию. Мои данные по орбите расходились с законом всемирного тяготения. Я перепроверил их, но результат остался прежним, тогда я сделал это в третий, в четвертый раз. Каким бы методом я ни пользовался, итог неизменно получался точно таким же, как в самый первый первый раз.

— О, Бини, мне так жаль. Я знаю, ты приложил столько усилий, пытаешься доказать ошибочность собственных выводов...

— А что, если они окажутся верными?

— Но ты же сам говорил...

— На данном этапе я и сам не знаю, верны мои расчеты или ошибочны. Насколько мне известно, они верны, но сам этот результат кажется совершенно неприемлемым. Я проверял его снова и снова — и каждый раз всё повторялось. Многократные проверки и тщательные сверки подтвердили: в моих вычислениях нет ошибки. И тем не менее сам этот вывод не укладывается в голове. Единственное объяснение заключается в том, что всё началось с какой-то нелепой посылки, и с тех пор всё, что я ни делал, неизменно крутилось в этом порочном круге: каким бы способом я ни проверял расчеты, результат неизменно выходил неверным. Возможно, на этапе формирования исходных предположений была упущена какая-то фундаментальная проблема. Если данные хотя бы по одной планете окажутся неверными, то и рассчитанные орбитальные параметры будут ошибочными, сколь бы точными ни были все остальные вычисления. Ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю.

— Именно поэтому я поручил эту задачу Фано и Йемоту, не посвящая их заранее в истинную причину, и велел им пересчитать всё с самого начала. Оба они — блестящие головы, и в их вычислительных способностях я ни капли не сомневаюсь. Если они придут к таким же выводам, что и я, — даже если эти выводы получены совершенно с другой стороны и полностью исключают мою собственную предвзятость в рассуждениях, — мне придется признать, что мои расчеты верны.

— Их расчеты не могут быть верными, Бини. Разве ты сам только что не говорил, что твое открытие противоречит закону всемирного тяготения?

— А что, если ошибочен и сам закон всемирного тяготения, Реста?

— Что? Что ты сказал?

Она широко раскрыла глаза, глядя на него с полнейшим недоумением.

— Теперь ты понимаешь, в чем суть проблемы? — спросил Бини.

— Вот почему ты так спешишь узнать результаты Фано и Йемота?

— Нет, — покачала головой она, — я ничего не понимаю!

— Я расскажу тебе позже, обещаю.

— Бини... — ее голос звучал разочарованно.

— Мне пора идти, но я скоро вернусь. Честное слово, Реста, я непременно сдержу слово!

Сифна на мгновение прервалась и сходила в инструментальную будку за киркой и щеткой. Сама будка была сильно покосевшей, но все еще вполне пригодной для использования. Затем она взобралась на склон горы Томбо, а Балик тяжело поплелся следом за ней. Молодой Элис уже выбрался из своего укрытия и теперь стоял внизу, наблюдая за ними. Сувек и остальные рабочие столпились на некотором расстоянии у него за спиной; они во все глаза смотрели на происходящее и чесали затылки, совершенно не понимая, в чем дело.

— Осторожнее, — крикнула Сифна Балику, когда они подошли к самому краю промоины, пробитой песчаной бурей. — Я собираюсь сделать пробный раскоп.

— Разве сначала не нужно сделать снимки?..

— Я велела тебе быть осторожнее! — резко бросила она.

Она ударила киркой, и рыхлая земля градом осыпалась ему на плечи и голову. Балик отпрыгнул в сторону, отплевываясь от попавшего в рот песка.

— Прости, — произнесла она, даже не взглянув на него.

Следом последовал второй удар кирки, еще сильнее расширивший брешь, прорванную ветром. Она прекрасно понимала, что подобное хаотичное, беспорядочное копание шло вразрез со всеми техническими требованиями. Ее выдающийся наставник, покойный археолог Хибик, несомненно, перевернулся бы в могиле от такого зрелища. А основатель науки археологии, почтенный Горл, вне всяких сомнений, сейчас укоризненно покачал бы головой, взирая на нее с алтаря в пантеоне всех археологов. С другой стороны, и у Хибика, и у Горла была масса возможностей исследовать гору Томбо, однако ни тот, ни другой этого так и не сделали. Если она сейчас и проявляла излишнюю горячность или излишнюю спешку в раскопках, они наверняка простили бы ей это. Раз уж это кажущееся бедствие в виде песчаной бури обернулось неожиданной удачей, раз уж предприятие, обреченное, казалось бы, на гибель, вдруг сулило величайшие открытия, Сифна ни за что не отступила бы перед возможностью обнаружить то, что было скрыто в недрах горы. Нет, ни за что на свете!

— Посмотри-ка, — пробормотала она, сбив крупный пласт верхнего слоя почвы и смахнув пыль щеткой. — Прямо под фундаментом этого огромного города залегает слой древесного угля. Похоже, некогда это место было полностью уничтожено пожаром. Но если взглянуть еще глубже, то прямо под угольным пластом обнаруживается другой город — город с пересекающимися улицами, над которым жители впоследствии возвели вот этот гигантский мегаполис...

— Сифна... — с тревожной ноткой в голосе позвал Балик.

— Я знаю, знаю. Но позволь мне хотя бы взглянуть, что здесь скрывается. Всего мгновение, а потом мы продолжим копать по всем правилам.

Она чувствовала, как с головы до ног покрывается испариной, а широко раскрытые глаза отчаянно болели.

— Видишь? Сейчас мы находимся ближе к вершине холма, и здесь уже обнаружены два города. Подозреваю, что если мы опустим раскоп чуть ниже, то обязательно доберемся до фундамента того самого города с пересекающимися улицами. Я уверена в этом! Обязательно доберемся! Прямо здесь! Балик, к сумеркам ты сам всё увидишь. Не веришь — просто подожди!

Острием кирки она победоносно ткнула в землю. Чуть выше основания древнего города с пересекающимися улицами четко вырисовывалась темная линия копоти. Точно так же, как и верхний город, этот нижний тоже пал жертвой пожара. Все признаки указывали на то, что он был построен на руинах еще более древнего поселения.

Балик и сам уже не мог сдерживать охватившего его волнения; вместе с Сифной они принялись торопливо разгребать верхний слой склона, обнажая скрытые под ним пласты. Они находились аккурат между самым основанием и разрушенным верхним слоем. Элис кричал им снизу, пытаясь докричаться и выяснить, чем именно они занимаются, но они полностью игнорировали его окрики. Охваченные лихорадочным любопытством, они в два счета раскопали первоначальный песчаный нанос — на три дюйма, на шесть, на восемь, — продолжая неумоимо углубляться вниз.

— Ты видишь это? — завопила Сифна.

— Вижу, еще одно поселение. Но что это за архитектурный стиль? Ты узнаешь его?

Она пожала плечами.

— Похоже, какой-то новый стиль.

— Похоже на то. И сомнений нет, оно очень древнее.

— Тут и спорить нечего. Хотя это еще не самое древнее из того, что здесь спрятано, но находка редкая.

Сифна заглянула вниз, в сторону подножия холма.

— Балик, знаешь, о чем я сейчас думаю? Здесь кроется целых пять городов, а может, шесть,

семь, а то и все восемь — один прямо поверх другого. Похоже, мы с тобой всю оставшуюся жизнь проведем на этом холме.

Они переглянулись — в их глазах смешались трепет и изумление.

— Пожалуй, теперь нам лучше спуститься и сделать несколько снимков, — тихо произнес он.

— Да, да, пожалуй, так будет лучше.

Она вдруг почувствовала, что почти успокоилась. С безрассудным, хаотичным копанием было покончено, решила она. Настало время вернуться к профессиональным раскопкам, подойти к этой горе так, как подобало бы истинным ученым, а не каким-нибудь искателям сокровищ или газетным репортерам. Сначала Балик сделает снимки со всех возможных ракурсов, затем они возьмут образцы поверхностного грунта и поместят их в пробирки для образцов — всё шаг за шаг, строго по инструкции. Следующим этапом станут траншейные работы: смелое углубление в толщу горы, чтобы выяснить, с чем именно им предстоит иметь дело. А напоследок, говорила она себе, мы будем пласт за пластом препарировать этот холм, разделять его на части, снимая верхние слои и изучая нижние, вплоть до самого материка. И тогда она сможет во все услышание заявить: наши знания о доисторическом прошлом Кальгаша превосходят всё то, что удалось узнать всем ее предшественникам со времен первой раскопки Бекримота, предпринятой самым первым археологом.

Кальгаж произнес:

— Мы уже уладили все формальности касательно твоего расследования в таинственном тоннеле. Доктор Шелин, через час машина будет ждать вас у входа, когда вы спуститесь из своего номера.

— Хорошо, — ответил Шелин. — Увидимся через час.

Пышнотелый психолог повесил трубку и с мрачным видом оглядел свое отражение в зеркале, висевшем напротив кровати. Лицо в зеркале выглядело озабоченным, чуть осунувшимся и уставшим. Он провел рукой по щекам, проверяя, не изменились ли они. Да, всё осталось по-прежнему: всё то же привычное пухлое лицо, ни единого грамма жира не ушло. И тем не менее затаенную усталость скрыть не удавалось.

Прошлой ночью Шелин спал плохо — он почти не сомкнул глаз, да и сейчас ему вовсе не хотелось спать. Вчера он ел лишь самую малость, но аппетита не было и в помине. Мысль о том, чтобы спуститься вниз и позавтракать, даже не мелькнула у него в голове; полное отсутствие чувства голода шло вразрез со всей его жизнелюбивой, падкой до еды натурой. Интересно, было ли это угнетенное состояние следствием вчерашней беседы с несколькими несчастными пациентами Кальгажа? Или же оно объяснялось банальным страхом перед предстоящим путешествием сквозь таинственный тоннель?

Беседы с теми тремя пациентами и впрямь потребовали немалых душевных сил. Он занимался клинической практикой уже очень давно, и пребывание среди преподавателей Университета Саро, очевидно, несколько притупило ту профессиональную отстраненность, с которой работники восстановительной медицины обычно подходили к пациентам, не позволяя ни сентиментальности сломить себя, ни жалости — поколебать свою твердость. Шелин даже удивился: с каких это пор он стал таким мягкосердечным и сострадательным?

Первый пациент — портовый грузчик Халим — на вид казался вполне крепким мужчиной, однако пятнадцатиминутное путешествие в крошечной тьме таинственного тоннеля превратило его в руину; стоило ему лишь заново пережить травмирующие воспоминания, как он тут же скатился в бессвязный бред и истерику. Это зрелище по-настоящему пугало.

Состояние двух других пациентов, которых он навещал после полудня, оказалось еще хуже. Младшая школьница Юстин 190 — несмотря на ее прелестные и умные черные глаза — была невероятно хрупким созданием. Ей удавалось перестать плакать лишь на малейшие доли времени. Сначала она изъяснялась еще кое-как понятно, но стоило ей произнести пару фраз, как речь ее вновь рассыпалась в бессвязный лепет. Старшеклассник-спортсмен Киммилит 97 являл собой образцовый спортивный талант — Шелин никак не мог выбросить из головы вчерашнюю сцену, когда он отдернул занавеску и тот мальчик отреагировал на солнечный свет. Стоило только раздвинуть шторы и впустить в комнату лучи Онуса, лившиеся с запада, как все реакции этого красивого юноши свелись к непрерывному бормотанию: «Темнота... темнота...» — и, не успев даже толком повернуться, он стремглав забился под кровать.

Темнота... ужасающая темнота...

В эту минуту Шелин сидел с мрачной миной на лице, а в голове у него крутились всё те же два слова. Теперь настала его очередь отправляться в таинственный тоннель. Разумеется, он мог бы наотрез отказаться. В контракте, подписанном им с муниципальным советом Джоллера, подобного пункта не значилось. Он вполне мог выбрать иной, не менее эффективный путь и не подвергать свою жизнь смертельному риску.

И тем не менее мысли его то и дело возвращались к тоннелю. Профессиональное тщеславие — если оно было его единственным мотивом — неумолимо гнало его к входу в подземелье. Он прибыл сюда именно затем, чтобы изучить состояние пострадавших, помочь им как можно скорее вернуться к нормальной жизни и предотвратить подобные трагедии в будущем. Но как он мог объяснить всё то, что происходило в тоннеле, если не побывает там лично, не осмотрит всё на месте? Он обязан был пойти, иначе его обвинили бы в служебном несоответствии. Да и ему самому вовсе не улыбалось, чтобы кто-либо в Джоллере — даже те люди, с которыми он был незнаком, — упрекнул его в трусости.

В памяти всплыло детское дразнильное прозвище: «Толстяк-трусишка! Толстяк-трусишка!» Тогда он отказывался лезть на дерево просто потому, что из-за своей полноты и неповоротливости был не в состоянии на него забраться. Но клеймо труса все равно закрепилось за ним. Впрочем, далеко не все толстяки трусливы, и Шелин прекрасно это понимал. Он гордился тем, что обладает ясным умом и здравомыслием, и ему вовсе не хотелось, чтобы из-за его неказистой внешности у кого-то возникали ложные представления на его счет.

К тому же, лишь менее десятка процентов людей, прошедших сквозь таинственный тоннель, выходили оттуда с признаками эмоционального расстройства. Можно было с уверенностью утверждать, что психика пострадавших в той или иной мере была склонна к травмам, тогда как он сам отличался рассудительностью и эмоциональной стабильностью. Он мысленно подбадривал себя: бояться нечего. Ничуть... не боюсь... ничего...

Он снова и снова повторял про себя эти слова, пока его нервы наконец не пришли в норму. Тем не менее, сходя по лестнице в ожидании машины, Шелин все еще выглядел несколько неестественно и вовсе не излучал привычной жизнерадостности.

Кальгаж и Чубелло уже ждали внизу. Заметная женщина по имени Варита 312 представилась Шелину; она была одним из создателей тоннеля. Напустив на себя вежливую улыбку, Шелин по очереди горячо пожал им руки.

— По такой погоде самое то в парк развлечений сходить, — произнес Шелин, стараясь придать голосу как можно более беззаботный оттенок.

Кальгаж окинул его странным взглядом.

— Рад слышать, что вы настроены именно так. Вы хорошо выспались, доктор Шелин?

— Прекрасно, спасибо... точнее говоря, ровно настолько, насколько и следовало ожидать, особенно после вчерашнего визита к тем несчастным.

— Но вчера вы ведь не слишком оптимистично оценивали шансы пациентов на восстановление? — поинтересовался адвокат Чубелло.

— Напротив, оптимистично, — уклончиво ответил Шелин.

Машина ровно катила по улице.

— До места проведения Столетней ярмарки ехать около двадцати минут, — сообщил Кальгаж.

— На ярмарке всегда полно народу — каждый божий день, — но большую часть развлекательной зоны мы огородили веревками, так что никто не будет нам мешать. Сам тоннель, как вы знаете, закрыт с тех пор, как из-за него разгорелся весь этот сыр-бор.

— Вы имеете в виду случаи со смертельным исходом?

— С тех пор мы больше не открывали таинственный тоннель для посетителей, — подтвердил Чубелло. — Но заметьте, мы рассматривали возможность его закрытия задолго до этого. Проблема заключалась в том, чтобы правильно оценить характер ущерба, наносимого людям в тоннеле: действительно ли они получают настоящую травму или же это просто приступы случайной истерии.

— Разумеется, — сухим голосом проговорил Шелин, — муниципальный совет не стал бы так легко закрывать столь прибыльное предприятие без веских на то причин. Разве что целая толпа туристов выпала бы из вагончиков и разбилась насмерть.

Атмосфера в салоне машины заметно уплотнилась. Спустя мгновение Кальгаж произнес:

— Тоннель — это не просто источник баснословной прибыли, доктор Шелин, это место, о котором мечтает каждый посетитель ярмарки. Насколько мне известно, ежедневно у входа разворачивают обратно по несколько тысяч человек.

— И даже несмотря на то, что уже в первый день поездки в тоннеле у людей случаются такие же психические расстройства, как у семьи Халима? И при столь очевидной опасности толпы всё равно рвутся туда?

— Именно по этой самой причине, доктор, — ответил Чубелло.

— Неужели?

— Простите за дерзость рассуждать об этом в вашем присутствии, — с льстивой улыбкой произнес адвокат. — Позвольте напомнить вам, что страх во время развлечений обладает особой притягательностью. Человек от рождения подвержен трем главным фобиям: боязни высоты, боязни падения и боязни темноты. Именно на этих трех страхах и зиждется страсть людей к самым нелепым аттракционам ради острых ощущений: они с воплями бросаются на других, катаются на американских горках, заставляя свои нервы совершать безумные кульбиты. Так что нет ничего удивительного в том, что таинственный тоннель пользуется у публики такой бешеным спросом. Они выходят из темноты запыхавшиеся, дрожащие от страха и напуганные до смерти. И тем не менее они продолжают тратить деньги, чтобы снова и снова пробиваться внутрь. По правде говоря, тот факт, что меньшинство выходит из тоннеля в состоянии ужаса, лишь добавляет ему популярности.

— И каждый из них думает, что обладает достаточной выносливостью, чтобы пережить то, что сломило других, я правильно понимаю?

— Абсолютно верно, доктор.

— А что насчет тех, кто выходит оттуда не на пределе нервного напряжения, а мертвыми от разрыва сердца? Даже в этом случае боссы ярмарки не стали бы задумываться о закрытии тоннеля? Можно себе представить: стоило бы вестям о смертях просочиться наружу, как поток желающих прокатиться должен был мгновенно иссякнуть.

— О нет, как раз наоборот! — с самодовольной улыбкой рассмеялся Чубелло. — В дело вступает всё тот же психологический механизм, причем срабатывает он еще сильнее, чем прежде. Люди с больным сердцем стремятся в тоннель потому, что сами добровольно идут на риск ради острых ощущений — с какой стати нам удивляться тому, что с ними в итоге происходит?

Муниципальный совет детально обсудил этот вопрос и в конце концов постановил посадить врача в кассе у главного входа, чтобы каждый желающий зайти предварительно проходил медицинский осмотр и лишь после этого допускался к открытым экскурсионным вагончикам. Эта мера невероятно подняла кассовые сборы!

— Если дело обстоит так, — возразил Шелин, — почему же тоннель сейчас все-таки закрыт? Судя по вашим словам, бизнес процветает как никогда! Очередь из посетителей тянется от Джоллера до Куннабы, и стоит передним хоть чуть-чуть продвинуться вперед, как толпа сзади тут же накатывает девятым валом.

— Доктор Шелин!

— Ох, в самом деле: если даже смерть не в силах отпугнуть людей, почему же тоннель по сей день на замке?

<http://bllate.org/book/21124/2143626>